

М. А. ТИХАНОВА

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В середине 50-х годов нам представлялось, что если где-либо в составе носителей черняховской культуры, которая тогда вырисовывалась как полиэтничная, и можно искать славян, то именно на северо-западе, т. е. на Волини¹. В 1956 г. начались работы сначала разведкой, а с 1957 г. и систематическими раскопками поселения у с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области. Результаты раскопок оказались совершенно неожиданными и в корне противоречащими первоначальному предположению о возможности отыскать здесь славян. На поселении были вскрыты большие наземные большей частью двухчастные сооружения, совмещавшие под одной кровлей жилье человека и хлев для скота или производственный комплекс².

Наряду с жилищами в Лепесовке совершенно своеобразной оказалась и лепная керамика, сочетающаяся, как правило, с круговой, типично черняховской и составляющая несколько более 20% от общего количества керамики, насчитывающей за все годы раскопок около 100 000 обломков, из которых удалось реконструировать реально и графически около 7000 сосудов (лепных и гончарных). Тогда же раскопками на самом поселении и сплошной разведкой по верхнему течению р. Горыни и ее притокам³ удалось установить, что как в этом районе, так и несколько севернее поселениям данного типа не предшествуют в течение длительного времени никакие другие. Памятники зарубинцевкой культуры расположены значительно севернее.

Еще ранее, в 1940 г., а затем в 1949 г. на Волини производил раскопки М. Ю. Смишко (в 1940 г. в Викнинах Великих⁴, в 1949 г. в Костянце⁵), который первый обратил внимание на сходство лепной керамики на этих поселениях с керамикой пшеворской культуры Польши⁶.

¹ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 194.

² М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. СА, 1963, № 2, стр. 178—191; она же. Днестровско-Волинская экспедиция 1960—1961 гг. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 48—56.

³ М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 46—53.

⁴ М. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. I. Київ, 1947, стр. 111—122.

⁵ М. Ю. Смишко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р., т. III. Київ, 1952, стр. 365—376.

⁶ М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей УССР. Доклады VI конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 82—84.

Однако жилища не вызвали у него никаких вопросов, никаких ассоциаций, равно как и некоторые другие весьма характерные предметы, аналогичные обнаруженным в Лепесовке.

Одновременно с началом работ в Лепесовке в 1956 г. было случайно найдено погребение в Дитиничах, а в 1957 г. проведены раскопки этого могильника. В 1961 г. могильник был опубликован как памятник, хотя и синхронный черняховской культуре, но заведомо не славянский, а германский, точнее гепидский⁷.

Наконец, в 1960 г. было обнаружено первое погребение под Брестом, а в последующие годы продолжены раскопки могильника, вернее той его части, которая осталась неразрушенной и доступной для исследования⁸. При первой же публикации этого памятника автор раскопок Ю. В. Кухаренко определил его совершенно правильно как типичный могильник так называемой гото-гепидской культуры Нижнего Повисленья, погребения которого, как и сопровождающий их инвентарь, имеют общие черты с могильниками северо-восточной Польши, с единичными погребениями, еще ранее известными на западной Волини, а также с памятниками Лепесовки и некоторых других поселений Волини⁹.

Как жилища Лепесовки, так и вертикальный ткацкий станок (в Лепесовке в одном случае уцелели не только грузила, но и обгорелые деревянные части самого станка) и вся лепная керамика не имеют никаких корней на месте и в то же время находят полные соответствия в керамическом комплексе северо-восточной Польши — в Нижнем Повисленьи и в Правобережной Мазовии, в основном в комплексах II — первой половины III в. н. э., и в других местах. Прослеживается отчетливое сходство лепной керамики с керамикой Дитиничей и Брест-Тришина, хотя она значительно богаче и многообразнее их по формам и орнаментации. Что же касается ведущего типа кухонной посуды — яйцевидного горшка с загнутым внутрь венчиком и хруповатым туловом, то эта форма долго бытует на широких пространствах северной Польши и территории центральной и западной Германии. В западной литературе она получила даже специальное название германского, или эльбского горшка. Известна она и в канабах римских лагерей среди германского населения. Э. А. Сымонич видит в ней основной тип лепной черняховской посуды, на что он неоднократно указывал во многих своих работах. И действительно, мы встречаем такие горшки не только в Журавке, Коломийцах, Косанове, но и далеко на юге, например в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского (Гавриловка), в Луке-Врублевецкой на Днестре и во многих других местах.

Что касается лепесовских и вообще южноволыньских жилищ, то, как показали наши исследования, этот тип жилища был ранее совершенно неизвестен ни на Волини, ни вообще на территории лесостепной полосы Восточной Европы. Представить себе, что такой вполне сложившийся, «отработанный» тип жилища, не имея предшественников, мог спонтанно возникнуть на Волини, невероятно. Его нужно искать в другом месте, там, где он сложился в результате достаточно длительного развития. Как мы указывали в своих предшествующих работах¹⁰, искать его следует далеко на северо-западе Европы, в Голландии, Дании, в особенности в Ютлан-

⁷ М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. МДАПВ, вип. 3, Київ, 1961, стр. 89—114.

⁸ Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИА, вып. 100, стр. 97—101.

⁹ Jurij V. Kuharenko. Le problème de la civilisation «Gotho-Gévide» en Pologne et en Volhynie. Acta Baltico-Slavica, V. Białystok, p. 9—40.

¹⁰ М. А. Тиханова. Раскопки на поселении..., стр. 182; она же. Раскопки поселения у с. Лепесовка. Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протонисториков. М., 1966, стр. 212.

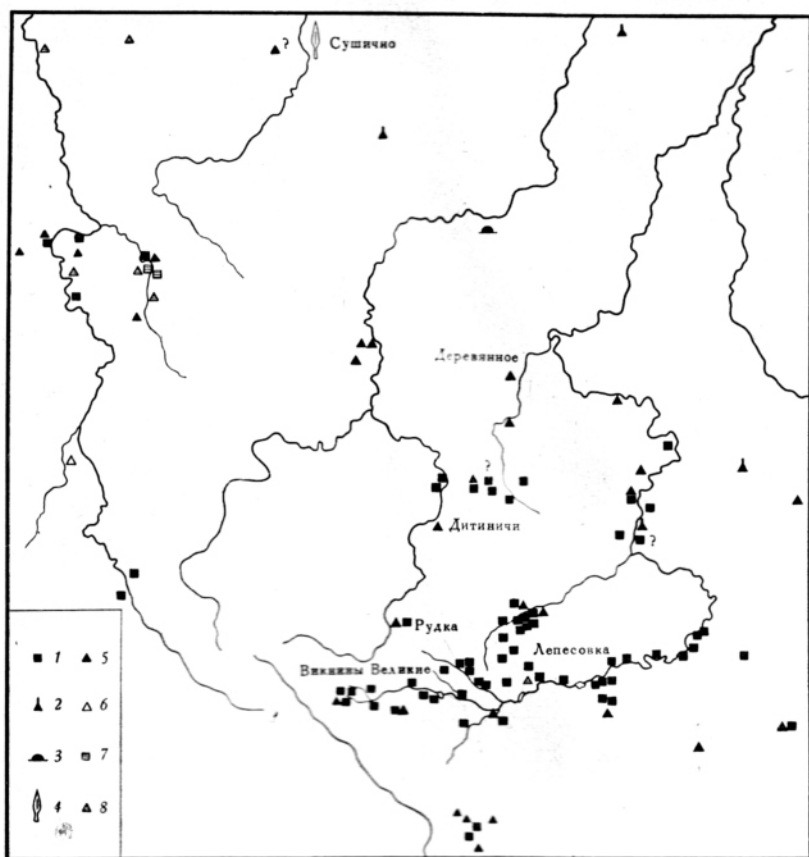

Рис. 20. Карта распространения памятников полей погребений на Волыни

1 — поселения III—IV вв. н. э.; 2 — могильники и отдельные погребения зарубицкой культуры I в. до н. э. — II в. н. э.; 3 — курган III—IV вв. н. э.; 4 — копье с рунической надписью III в. н. э.; 5 — могильники и отдельные погребения III—IV вв. н. э.; 6 — погребение шведской культуры н. э.; 7 — поселения поморской культуры; 8 — могильники и отдельные погребения поморской культуры

дии и на северо-западе Германии, где он известен уже в эпоху латена и существует вплоть до позднеримского времени, особенно ярко проявляясь в раннеримское время в Ютландии. Именно здесь хорошо известен тип большого двухместного прямоугольного в плане со скругленными углами наземного жилища, совмещавшего в себе жилую часть с хлевом или производственным помещением, ориентированного на восток-запад, с очагом на продольной оси постройки. Поселений с такого рода жилищами исследовано очень много. Характерно и наличие в жилой части ткацкого станка; близки по набору хозяйственная утварь и предметы быта¹¹. Известны такие жилища и в Бранденбурге, на поселении в Бэрхорсте под Науеном, где близки лепесовским не только жилища, но и керамический комплекс и вещевой инвентарь¹².

¹¹ Литература предмета огромна, почему приводим лишь самые основные сводки исследования: J. Brøndstedt. Nordische Vorzeit, Bd. III. Eisenzeit in Dänemark, Neumunster, 1963, стр. 244—246; O. Klindt-Jensen, Denmark before the Vikings. London, 1957; он же. Bornholm i folkervandrigstiden. København, 1957; A. Bantelmann. Tofting—eine vorgeschichtliche Warft an der Eidermündung. Offa—Bücher, N. F. 12, 1955.

¹² O. Doppelfeld, G. Behn. Das germanische Dorf auf dem Bärhorst bei Nauen. Praehistorische Zeitschrift, Bd. XXVII—XXIX. Berlin, 1939, стр. 284—330. Поселение было датировано III—IV вв. н. э. Позднейшими исследованиями эта датировка не-

В последнее время аналогичные постройки были открыты в Польше, на территории Мазовии в Вульце-Ласецкой. Сначала обнаружили большое сооружение типа раннее в Польше неизвестного, которое его исследователи рассматривали как здание общественного характера, а за аналогиями обратились совершенно закономерно в районы Северо-Западной Европы¹³. Впоследствии (в 1961 г.) там же было открыто большое наземное сооружение (жилище № 10)¹⁴. Поселение в Вульце-Ласецкой датируется концом II — самым началом IV в. н. э. Что касается более северных районов Польши — Нижнего Повисленья, то еще в довоенные годы там были открыты под Гданьском близкого типа жилища¹⁵. Судя по сообщениям информационного характера¹⁶ и тезисам докладов на конгрессе славянской археологии в Варшаве в сентябре 1965 г., на поселениях на правобережье Нижней Вислы в Плоньском повяте¹⁷ и на ее левобережье к югу от Гданьска в Пруше¹⁸ открыты большие наземные жилища «редкие на территории Польши».

Остатки наземных бесстолбовых жилищ были вскрыты несколько лет назад на левобережье Западного Буга в Грудке Надбужном, правда, уже синхронные жилищам Лепесовки¹⁹.

Поселение у с. Лепесовка (начало его жизни датируется рубежом II—III вв., конец — серединой или третьей четвертью IV в.) далеко не единственное в пределах как самой Южной Волины, так и прилегающих к ней территорий. Все раскопанные (хотя и в неизмеримо меньшем масштабе) поселения — Викнины Великие²⁰ в верховьях Горыни; Костянец²¹ в бассейне Стубла; Маркуши, Иванковцы²², Ягнятин²³ и Пражев²⁴ в Восточной Волины; Сухостав²⁵ в междуречье Серета и Збруча. Ружи-

сколькo углублена: II—III вв. н. э. См.: F. Behn. Die Entstehung des deutschen Bauernhauses. Berichte über die Verhandlungen der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-Hist. Klasse, Bd. 103, H. 3, Berlin, 1957, стр. 29—34. G. Behm-Blancke. West- und ostgermanische Dörfer der römischen Kaiserzeit in der Mark Brandenburg. Bericht d. Kongress Hamburg, 1961, стр. 73—74.

¹³ W. Bender. Zagadkowa budowla z pierwszych wieków naszej ery. ZOW, 1960, z. 2, стр. 112—118.

¹⁴ W. Bender, B. Balke. Wyniki badań osady z okresu rzymskiego w Wólce Zasiękiej, pow. Łowicz w 1961 roku. Archeologia. Polski, IX, Warszawa, 1964, стр. 72—120.

¹⁵ W. Heym, Eib Beitrag zum Hausbau während der römischen Kaiserzeit im Gebiet der untern Weichsel. Prussia, 29. Königsberg 1931, стр. 192; R. Schindler. Germanische Siedlungsreste am Danziger Höhehland. Gothiskandza, H. 2, 1940, стр. 44—51.

¹⁶ W. Bender. Odkrycia archeologiczne w Polsce w 1964 r. ZOW, XXXI, 1965, z. 2, стр. 121.

¹⁷ J. Pyrgala. Die Besiedlung der Zwischenflussgebietes der Wisła und der Wkra in der Spätlatènezeit und in der römischen Kaiserzeit im Lichte archäologischer, wissenschaftlicher und technischer Untersuchungen; I. Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa 14—18.IX 1965. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, стр. 406—413.

¹⁸ K. Przewoźna. Die Siedlungsformen der Spätlatène — und der römischen Kaiserzeit in Ostpomern. Там же, стр. 202—207.

¹⁹ T. Liana i T. Piętka-Dąbrowska. Osada z okresu wpływów rzymskich w Gródku-Nadbużnym, pow. Hrubieszów. WA, XXV, z. 4, 1958, стр. 373—382.

²⁰ М. Ю. Смішко. Селище доби полі в поховань у Вікнинах Великих. стр. 111—121.

²¹ М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури..., стр. 365—377.

²² И. С. Винокур. Памятники Волянской группы полей погребений. МИА, № 116, 1967, стр. 176—185.

²³ Е. В. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північно-західному Правобережжі (розкопки 1945—1956 рр.), АП, т. I. Київ, 1949, стр. 164—176; она же. Ягнятинська археологічна експедиція, АП, т. III. Київ, 1952, стр. 154—168.

²⁴ Е. В. Махно. Поселення культури..., стр. 169—175; И. С. Винокур. Старожитості Східної Волині. Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII. Серія археологічна, вип. I. Чернівці, 1960, стр. 24—32.

²⁵ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР (Материалы к составлению археологической карты). МИА, № 82, 1960, стр. 47, № 23.

чанка к югу от г. Хмельницкого²⁶ дают те же большие, удлиненные наземные жилища (только в Пражеве имеются и полуземлянки, но не доказано, что это жилища), тот же в основном набор вещей, тот же керамический комплекс. Всего в данном районе насчитывается более 60 таких поселений, особенно густо покрывающие истоки р. Горыни и ее притоков и небольшими гнездами сосредоточенные в нескольких других местах — в более северных и южных районах.

К сожалению, поселения эти не сопровождаются могильниками. Лишь в верхнем течении Горыни на ее правом берегу относительно недавно был обнаружен могильник, а затем и поселение у с. Раковец-Чесновский Збаражского района Тернопольской области²⁷. Как показали раскопки, могильник этот биритуальный, сочетающий труположения и трупосожжения, с одинаковым погребальным инвентарем и гончарными и лепными сосудами. Весь комплекс находок очень близок к лепесовскому, а по погребальному ритуалу представляет настоящий черняховский могильник с некоторыми особенностями, сближающими его с погребальными памятниками Нижнего Повисленья²⁸.

В свете рассматриваемого нами вопроса особую значимость приобретает факт распространения жилищ вольнского типа далеко на юг. Они прослеживаются на право- и левобережье среднего течения Днестра — на поселении Лески Черкасского района и области²⁹, в Ново-Липовском Золотоношском районах той же области³⁰, в бассейне Ворсклы — на поселении у с. Кантемировка³¹, в Среднем Поднестровье — в Луке-Врублевской Каменец-Подольского района Хмельницкой области³² и, наконец, в междуречье Днестра и Прута. Здесь на территории Молдавской ССР раскопками Г. Б. Федорова в Мырзештах³³ и Э. А. Рикмана на целом ряде поселений были вскрыты остатки больших наземных жилищ, совершенно однотипных с вышеописанными вольнскими. Это жилища на поселениях Комрат I, Загайканы, Солончены, Делакеу³⁴ и Будешты Криулянского района³⁵. Последний памятник особенно интересен тем, что в нем сочетаются и поселение, и могильник. Среди его погребальных сооружений отчетливо прослеживаются северные черты, а именно: каменные конструкции — вымостки, как их называет Э. А. Рикман, не вызывающие

По сведениям, приводимым Е. В. Махно, сооружение в Сухоставе трехкамерное по другим сведениям — двухкамерное.

²⁶ И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка. Археологические открытия 1966 г. М., 1967, стр. 228—230.

²⁷ И. С. Винокур, М. И. Островский. Раскопки Раковецкого могильника. КСИА, вып. 102, стр. 64—70; они же. Раковецкий могильник. МИА, № 139, 1967, стр. 144—159.

²⁸ D. Bohnsack. Die Burgunden. Vorgeschichte der Deutschen Stämme, hrsg. von H. Reinerth, Bd. III. Berlin, 1940, S. 1089, Taf. 439.

²⁹ А. Т. Смиленко, М. Ю. Браичевский. Черняховское поселение в селе Лески близ города Черкассы. МИА, № 139, 1967, стр. 35—61.

³⁰ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, стр. 56, № 17а.

³¹ Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань, АП, т. III. Київ, 1952, стр. 231—241.

³² М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевской (Днестр). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72—74; она же. О локальных вариантах..., стр. 180.

³³ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 257 и табл. 18 (глиняные грузила от вертикального ткацкого станка).

³⁴ Э. А. Рикман. Черняховское селище Делакеу (Молдавия). МИА, № 139, 1967, стр. 165—196.

³⁵ Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху). МИА, № 82, 1960, стр. 302—327; он же. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, № 3, стр. 121—138.

сомнения в их северо-германской принадлежности. В этом же могильнике были найдены две (одна целая, другая в обломках) северные южноскандинавского происхождения фибулы-монстры³⁶, или фибулы чудовищного типа, по терминологии А. К. Амброза. Третья фибула того же типа, происходящая с территории Молдавии, представляет собой случайную находку³⁷.

Ограниченность места не позволяет коснуться еще целого ряда вопросов, в частности предметов и украшений одежды — фибул, так называемых клюковидных булавонок или некоторых бытовых предметов таких, как сигарообразные по форме костяные двусторонне заостренные палочки, в которых одни исследователи, в том числе и автор настоящей статьи, предположительно усматривают орудия для письма, другие — проколки, третьи — веретена; все они встречаются в памятниках не только Вольни, но и в ряде значительно более южных черняховских поселений, а иногда и погребений. В то же время они широко распространены не только в Нижнем Повисленье, но и западнее, в германском мире. Нет возможности остановиться и на некоторых специфических деталях погребального обряда, в частности на обычае захоронения одних черепов, или на нарочитом расчленении трупов умерших и т. д. Все эти явления специфичны для германского мира в широком понимании его, а не только для одних готов. Эти темы могут явиться предметом специальных исследований.

Думается, что вышеизложенного вполне достаточно для ответа на вопрос, поставленный автору настоящей статьи на Львовском совещании, каково его понимание происхождения черняховской культуры. В отличие от Ю. В. Кухаренко мы включаем в состав черняховской культуры и вольтинскую группу. Саму же черняховскую культуру мы признаем, во всяком случае изначально, германской (отнюдь притом не только готской) культурой, носители которой сохраняют многие германские черты и тогда, когда они приходят уже в тесные соприкосновения (не только активно враждебные, но и мирные) с миром античным и с иноэтничным миром местных племен.

³⁶ Э. А. Рикман. Погребальные обряды Будештского могильника. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 106—131; он же. Памятник эпохи переселения народов по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры. Кишинев, 1967, стр. 31 и рис. 37, 4, 5.

³⁷ N. Mogoșan. O fibulă particulară germanică din epoca imperialo-romană găsită în Besarabia. Chișinău, 1935, стр. 6; М. А. Тиханова. К вопросу о связях Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. Тезисы докладов Четвертой всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Петрозаводск, 1968, стр. 159—162.